

Графъ С. Ю. Витте.

Опытъ характеристики. ¹⁾

Гр. С. Ю. Витте представлялъ историческую фигуру, настолько выразительную, что о немъ не нужно и нельзя писать некролога. Некрологъ обычно это—собрание умолчаній, плодъ ретушировки, продиктованной особымъ чувствомъ невыясненности того лица, оцѣнку котораго, послѣ все примиряющей смерти, приходится давать.

О Витте нельзя спорить и совершенно не нужно писать съ умолчаниями и экивоками. Это была сложная и противорѣчивая фигура; но во всѣ различные уклоны, складки и противорѣчія ея были обнажены, и именно въ ихъ обнаженности, если угодно, заключалось въ значительной мѣрѣ своеобразие этой исторической фигуры. Далѣе, значеніе людей, становящихся крупными государственными дѣятелями, часто опредѣляется вовсе не размѣромъ ихъ личности, а тѣмъ, что они попали въ опредѣленную историческую минуту на опредѣленную полочку. Задача и обстановка творять не только человѣка, онѣ часто создаютъ все значеніе человѣка. Историческіе дѣятели часто въ буквальномъ смыслѣ сосудъ, въ который по какому-то капризу влилось опредѣленное содержаніе. Часто исторія выбираетъ своимъ орудіемъ если не перваго попавшагося человѣка, то просто того изъ многихъ, которые были „подъ рукой“. Витте совсѣмъ не принадлежалъ къ такимъ случайнымъ людямъ исторіи: его значеніе связано съ размѣрами его личности, есть его собственное, а не заемствованное значеніе.

Въ исторіи русскаго управления мало фигуръ можно поставить рядомъ съ Витте и одного только человѣка можно поставить выше его: Сперанскаго. Но и то не по личной даровитости, которою Витте превосходилъ всѣхъ русскихъ государственныхъ дѣятелей, облеченныхъ властью, начиная съ Александровской эпохи и кончая нашими днями.

¹⁾ Этотъ опытъ воспроизводитъ съ нѣкоторыми добавленіями статью автора, напечатанную въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* (№ 14700 отъ 1 марта.)

Витте былъ, несомнѣнно, гениальнымъ государственнымъ дѣятелемъ, какъ бы ни оцѣнивать его нравственную личность, его образованность и даже результаты его дѣятельности. Болѣе того: всѣ личные недостатки Витте лишь подчеркиваютъ его политическую гениальность. Подчеркивается она и тѣмъ, что, какъ государственный дѣятель, Витте не обладалъ никакими знаніями, былъ, вопреки довольно распространенному противоположному мнѣнію, попросту говоря, необразованнымъ человекомъ. Экономическій „геній“ Витте слѣдуетъ искать не въ плохихъ трактатахъ по политической экономіи, написанныхъ чужими руками, а въ государственномъ творествѣ, свободномъ отъ путъ доктринъ и съ какой-то державной легкостью разрѣшавшей трудности, передъ которыми останавливались мудрецы и знатоки. Способность Витте понимать самыя трудныя государственныя вопросы, находить самыя разумныя рѣшенія въ запутанныхъ областяхъ управленія, выбирать нужныхъ людей опредѣлялась гениальной интуиціей рожденнаго государственнаго дѣятеля и администратора, а вовсе не опытомъ и не какимъ-либо „знаніемъ“. Его тяготѣніе къ наукѣ и ученымъ, его широко либеральная оцѣнка высшаго образованія, памятникомъ которой навсегда останутся политехническіе институты, были выраженіемъ гениальнаго инстинкта и пѣтета къ наукѣ человека, который самъ всегда стоялъ внѣ науки и ей былъ глубоко чуждъ.

Нравственная личность Витте—слѣдуетъ прямо сказать—не стояла на уровнѣ его исключительной государственной одаренности.

Я не говорю объ его свойствахъ какъ частнаго человека, которыхъ я не знаю. Но нравственная личность государственнаго человека проявляется и въ политической дѣятельности. Витте не былъ просто оппортунистомъ: его гибкость и приспособляемость шли гораздо дальше того дѣловаго приспособленія къ условіямъ мѣста и времени, которое необходимо въ практической политикѣ.

Онъ былъ по своей натурѣ безпринципенъ и безъидеенъ. Политическая исторія знаетъ много крупныхъ до гениальности политическихъ дѣятелей, измѣнившихъ свои взгляды и, соотвѣственно этому, переходившихъ на новые пути. Гладстонъ, Бисмаркъ, Чемберленъ, Побѣдоносцевъ принадлежатъ къ числу классическихъ примѣровъ политическихъ превращеній. Въ дѣятельности Витте никогда не было идейнаго центра къ которому онъ морально тяготѣлъ бы. Витте не измѣнялъ въ этомъ смыслѣ взглядовъ и принциповъ, ибо ихъ у него вовсе не было. Витте никогда не былъ ни либераломъ, ни консерваторомъ. Но иногда онъ былъ намѣренно реакціонеромъ; иногда же присоединялся къ силамъ прогрессивнымъ. Его стихіей однако была область государственнаго строительства, политически и нравственно безразличнаго. Когда онъ становился лицомъ къ лицу съ общими вопросами политики, онъ не способенъ былъ восходить къ моральнымъ основамъ такихъ вопросовъ. Онъ

того такіе великіе вопросы русской жизни, какъ община, университетъ, земство, превращались подъ его руками въ матеріаль для интригъ, для „ходовъ“, при которыхъ какія-либо общія начала и даже интересы родины и народа ступшеывались передъ борьбой за власть и вліяніе. Въ Витте не было ни грама идеализма и въ его глубокости была изрядная доля органическаго цинизма. Вотъ почему могло сложиться и широко укорениться представленіе, что отъ Витте можно всего ожидать. Отсутствіе морально-идейнаго стержня у Витте было особенно поразительно именно въ связи съ его политической геніальностью. Это оно налагало на всю его фигуру какой-то почти зловѣщій отпечатокъ.

Въ сущности, ту же самую черту можно выразить и охарактеризовать еще съ другой стороны. Одинъ изъ творцовъ конституціонной Россіи, самъ Витте былъ совершенно лишень всякаго чувства права. Мы знаемъ, что Сперанскій подъ ударами судьбы согнулся и согнулъ свое правосознаніе. Но Сперанскій не только какъ юристъ, а какъ моральная личность въ самыя тяжелыя времена былъ напоенъ чувствомъ и идеей права. Этого Витте совсѣмъ не было дано. И не потому, повторяемъ, что онъ не былъ юристомъ, а потому, что права и правды Витте никогда не чувствовалъ, въ нихъ никогда не жилъ.

Въ другихъ условіяхъ государственной жизни атмосфера права обнимала бы со всѣхъ сторонъ такого государственнаго дѣятеля, какъ Витте, и самый вопросъ о томъ, было ли у него чувство права, не возникалъ бы вовсе. Но въ Россіи конца XIX и начала XX вѣка нужно было и нужно до сихъ поръ вести борьбу за право. Витте душой никогда не могъ вести такой борьбы, и въ этомъ громадное отличіе отвѣтственнаго автора манифеста 17-го октября отъ автора плана государственнаго преобразованія Россіи. Сперанскій, поскольку онъ начерчивалъ новое право, дѣлалъ это смѣло, упреждая свое время, дерзновенно прозирая въ будущее. Витте, какъ геніальный дѣлецъ, только раскрылъ затворы для чуждаго ему бурнаго потока новаго правосознанія и преобразованія, который—это было уже явно—нельзя было остановить и который поэтому необходимо было канализировать.

Для правового творчества необходимы подъемъ и полетъ особаго рода, не просто дѣловая и дѣлеческая геніальность. И этого подъема и полета, несмотря на всю изумительную одаренность Витте, ему не было дано.

Но понимать и оцѣнивать Витте нужно именно въ масштабѣ такихъ сопоставленій. Всякіе современники склонны создавать мнимыя, дутыя величины и рядомъ съ этимъ преуменьшать свое время именно въ его самыхъ крупныхъ проявленіяхъ. По этой психологической причинѣ Витте недостаточно оцѣнивался у насъ при жизни. Его слабости и недостатки скрадывали совершенно необычные размѣры его личности.

Смерть сразу может и должна въ этомъ отношеніи внести должныя поправки и пролить истинный свѣтъ.

Витте не только былъ исключительно одареннымъ государственнымъ дѣятелемъ. Онъ вложилъ своею личностью въ великія событія и воплотилъ свою энергію въ большихъ дѣлахъ. Преобразование тарифнаго дѣла, управление русскими финансами въ сложную эпоху окончательнаго перехода всего русскаго народнаго хозяйства на капиталистическій путь, самая смѣлая и грандіозная валютная реформа, когда-либо произведенная, введеніе казенной продажи вина и вообще подъемъ техники финансоваго управленія до чрезвычайно высокаго уровня, опросъ Россіи объ ея нуждахъ черезъ достопамятные сельскохозяйственные комитеты, портсмутскій миръ, манифестъ 17-го октября, рядъ важнѣйшихъ законовъ 1905 и 1906 гг.—все это и многое другое связано съ именемъ Витте въ русской исторіи.

Витте потерпѣлъ неудачу въ дѣлѣ осуществленія манифеста 17-го октября. Но какъ бы строго ни судить его дѣятельность въ трудную эпоху между обнародованіемъ великаго манифеста и созывомъ первой Государственной Думы,—не въ ошибкахъ Витте, конечно, ключъ къ неудачѣ этихъ первыхъ шаговъ нашей конституціонной жизни.

Безспорно онъ сдѣлалъ много ошибокъ, но и безъ нихъ переходъ къ новому государственному строю былъ соединенъ съ трудностями непреодолимыми. Великая реформа 1905 г. была неизбежна, но она нашла и власть, и народъ неподготовленными къ принципиально новымъ отношеніямъ. Самъ Витте не умѣлъ даже технически приступить къ разрѣшенію новыхъ задачъ совершенно иного порядка, чѣмъ задачи того чисто бюрократическаго управленія, въ дѣлахъ котораго онъ искусился. Между провозглашеніемъ началъ правового государства и ихъ осуществленіемъ въ практикѣ взаимодѣйствія народа и власти лежало огромное разстояніе, воздвигалось препятствія, которыя никакая личная воля не могла побороть. Правда, Витте не только не преодолѣлъ трудностей, онъ въ значительной мѣрѣ потерялся въ нихъ и среди нихъ. Тутъ обнаружались роковые предѣлы, въ которые не могла не быть заключена дѣятельность Витте, какъ геніальнаго администратора-практика стараго абсолютнаго порядка и какъ человѣка, котораго геній правды совершенно не коснулся.

Витте понималъ необходимость кореннаго преобразованія нашего государственнаго строя, но, какъ человѣкъ стараго порядка, онъ въ новыхъ условіяхъ, рожденныхъ въ бурѣ и грозѣ, не могъ разомъ и побѣдоносно разобраться. Состояніе, въ которомъ находился Витте послѣ 17-го октября 1905 г., было состояніемъ недоумѣнія, растерянности и пассивности. Между тѣмъ, только активная борьба направо и налево и чрезвычайная творческая активность управленія могли бы тогда кри-

сталлизовать и въ правительствѣ и въ обществѣ дѣеспособные элементы, которые были бы въ силахъ осуществить властвованіе въ духѣ новыхъ началъ. Въ этой обстановкѣ Витте положительно не нашелся. Но никто не можетъ сказать, что, даже если бы онъ въ ней и нашелся, его дѣятельность увѣнчалась бы успѣхомъ. Конечно, активность Витте въ эпоху съ октября 1905 г. по апрѣль 1906 г., можетъ быть, иначе направла бы развитіе нѣкоторыхъ нашихъ политическихъ отношеній, но основныхъ трудностей, заключающихся въ самой стремительности перехода отъ стараго порядка къ новому, даже она не смогла бы преодолѣть. Въдѣ ошибки и неподготовленность цѣнта русской оппозиціи—кадетовъ,—въ эту эпоху были врядъ ли меньше, чѣмъ ошибки и неподготовленность власти и правительства.

Фигура Витте стоитъ на рубежѣ двухъ эпохъ русской исторіи и принадлежитъ имъ обѣимъ. Размѣры этой фигуры таковы, что для нея въ извѣстномъ смыслѣ разомъ наступила исторія, и въ самый день смерти стала принципиально возможна справедливая оцѣнка. При такой оцѣнкѣ нужны большіе масштабы, ибо исчезъ съ исторической сцены человекъ, исключительная одаренность котораго только подчеркивается его слабостями и недостатками, и который, несмотря на всѣ свои очень большіе недостатки и весьма крупныя ошибки, вложилъ въ дѣла великаго историческаго значенія не какъ случайная фигура, которой выпалъ счастливый жребій, а какъ человекъ, отмѣченный государственнымъ призваніемъ.

Петръ Струве.